

Сим победиши

ЖМП № 3 март 2020 / 30 апреля 2020 г. 15:04

http://www.e-vestnik.ru/interviews/sim_pobedishi_shkarovskyi_10820/

Алексей Реутский

В издательстве «Познание» вышла в свет новая книга историка М. В. Шкаровского о Великой Отечественной войне «Господь дарует нам Победу». Автор в беспристрастной форме, опираясь только на факты, анализирует роль Церкви в победе над немецким нацизмом. Почему только война, поставившая советское государство на край катастрофы, заставила руководство страны несколько смягчить политику в отношении Церкви? Какой на самом деле была религиозная политика нацистов и почему стало возможным возрождение Православия на оккупированных территориях? Об этом в интервью «Журналу Московской Патриархии» рассказал главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга доктор исторических наук Михаил Шкаровский.

Война против атеизма

— Михаил Витальевич, какой была религиозная политика руководства СССР и гитлеровской Германии накануне войны и как она затем изменилась?

— Несмотря на то что во главе обоих государств стояли руководители, стратегической задачей которых было уничтожение христианства вообще и Православия в частности, их отношение к Русской Православной Церкви было разным. Хорошо известно, что пик гонения на Церковь в СССР пришелся на время Большого террора 1937–1938 годов, когда, по сути, была разгромлена вся церковная структура. На свободе оставалось четыре правящих архиерея, было репрессировано почти все духовенство, в стране действовало лишь около 350 храмов. Но с осени 1939 года религиозная политика в СССР в некоторых аспектах смягчилась. Это объяснялось тем, что к СССР были присоединены территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, где православная жизнь шла своим чередом, действовали тысячи приходов, около сотни монастырей, служили несколько архиереев. Все эти земли вошли в состав Московского Патриархата. И хотя в своей основе государственная политика оставалась атеистической, уже в первые месяцы войны позиция советского руководства претерпела изменения. Так, полностью прекратились атеистическая пропаганда и аресты священнослужителей. И были даже единичные случаи открытия приходов. Например, в Калинин (Тверь) первый приход открылся в августе 1941 года. Пока это было редким исключением, но чем дальше, тем лояльнее становилась политика советского руководства. Рубежом стал прием Сталиным в Кремле трех митрополитов, руководителей Русской Православной Церкви, в сентябре 1943 года. И конечно, выборы Патриарха.

Причины перемен были как внутренние, так и внешние. К внутренним относятся: обращение руководства СССР в ходе войны к русским патриотическим традициям, в том числе церковным. Ярко выраженная — с первых дней войны — патриотическая позиция руководства Московского Патриархата: обращение к народу 22 июня 1941 года митрополита Сергия (Страгородского), церковные сборы в фонд обороны, Красный Крест, разнообразные послания, молитвы за Русскую землю. К внешним можно отнести массовое религиозное возрождение на всей оккупированной территории Советского Союза, где открылось около 10 тыс. храмов, более 60 монастырей. Не только в границах Псковской миссии, но и на Кубани, Ставрополье, территориях Украины и Белоруссии. И Сталин вынужден был что-то противопоставить немецкой пропаганде, активно использовавшей против СССР религиозный фактор.

Это также позиция наших союзников — Великобритании и США. Прежде всего Президента США Теодора Рузвельта, который был набожным человеком, и ему нужно было подготовить общественное мнение для вступления США в войну против Германии. Его личный посланник А. Гарриман осенью 1941 года прибыл в Москву и передал Сталину просьбу своего президента изменить религиозную политику в СССР. Сыграли свою роль и внешнеполитические планы Сталина, которые он начал активно реализовывать после Сталинградской битвы в начале 1943 года. Речь шла о расширении сфер советского влияния на значительные территории мира. При этом Сталин понимал, что без церковных каналов здесь не обойтись. В частности, по церковным каналам было легче влиять на страны Восточной Европы, которые, как предполагалось, станут государствами — сателлитами СССР.

А там в значительной степени проживало православное население — помимо Болгарии, Югославии, Румынии, оно имелось и в Албании, Чехословакии, и даже в небольшом количестве в Польше и Венгрии.

Также у Сталина были планы в отношении Средиземноморья, Ближнего Востока, где существовали православные восточные Церкви. Для влияния на них предполагалось использовать Московскую Патриархию. И наконец, советский вождь наделся распространить влияние Советского Союза в мире

благодаря русской православной диаспоре, состоящей преимущественно из эмигрантов, которую можно было бы включить в этот процесс, пользуясь церковными каналами Московского Патриархата.

И хотя эта война принесла нам неисчислимые беды и горе, вынужден признать — без нее не было бы никакого кардинального изменения религиозной политики в СССР и возрождения православной жизни.

— Сегодня в обществе ведется активная работа по реабилитации Сталина. Некоторые историки даже заявляют, что во время войны он якобы всерьез обратился к вере. А как в действительности Сталин относился к Богу и Церкви?

— То, что Сталин был опытным, хитрым и даже циничным политиком, я не сомневаюсь. Он использовал в своей политике и для укрепления личного влияния различные методы и инструменты — те, которые казались ему наиболее оправданными в тот момент. Я считаю, что его никак нельзя назвать верующим или сказать, как пишут некоторые историки, что в годы войны он вдруг обратился к вере. На самом деле ни о каком его духовном перерождении говорить не приходится. Просто Сталин осознал, что без изменения религиозной политики в этой войне не победить и не наладить отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции. А Церковь может быть важным инструментом его внешней политики и после окончания войны, а не только на завершающем ее этапе.

— Этим объясняется разрешение властей провести 5 апреля 1942 года во всех храмах страны пасхальные службы?

— Некоторые подобные инициативы исходили не только от высшего советского руководства, но и от местных руководителей. В частности, в блокадном Ленинграде существовала определенная автономия местного руководства от Москвы. Эти руководители сами во многом решали, какую политику им проводить внутри города. Смягчение церковной политики там началось даже раньше, чем в других регионах, и проводилось оно более последовательно. Это стало заметно уже в конце 1941 года. В это время городские власти вместе с епархиальным руководством организовали маскировку храмов от обстрелов, разрешили помогать приходам в устройстве госпиталей. И в декабре 1941 года было принято решение обеспечить храмы минимальным количеством вина и муки, чтобы богослужение не прерывалось. Не только в блокадном Ленинграде, но и в некоторых регионах страны существовала особая ситуация в церковном плане. Так, в Ярославской области уже в 1942 году храмы начали активно открываться после визита председателя Президиума Верховного совета СССР Михаила Калинина, с его санкции. Там уже в 1942 году и в первой половине 1943 года был открыт в общей сложности 51 храм. В годы войны на местах благосклонное отношение к Церкви было даже более очевидным, чем в самой Москве.

Вера воинов

— Попадались ли вам документы об открытом проявлении веры военного руководства Красной армии? Действительно ли маршал Георгий Жуков возил с собой икону Божией Матери «Казанская»?

— Да, но не архивные документы, а свидетельства людей, которые это видели. До конца это отрицать нельзя, но и доверять на 100 % сложно. Но были и другие свидетельства. В Москве, в Российском государственном архиве социально-политической истории, я нашел такой документ: когда город Луга заняла советская дивизия, то ее командир генерал Лобанов приказал построить несколько батальонов, в том числе свой штаб, и отслужить перед строем благодарственный молебен. Как оказалось, священник Михаил Образцов, служивший молебен, в годы оккупации помогал партизанам, и генерал публично поблагодарил его за эту помощь. Есть также факты, что многие офицеры Ленинградского фронта посещали богослужения, в том числе и командование Ленинградским фронтом во главе с маршалом Леонидом Говоровым, присутствовало на службах в кафедральном Николо-Богоявленском соборе Ленинграда. О таких фактах сразу становилось известно высшему руководству страны, но никто за это не был наказан.

Еще любопытный факт. В Красной армии не было военного духовенства, но с разрешения и военного командования, и советского руководства православные священники служили в некоторых национальных формированиях — румынских, югославских и чехословацких. В подготовке института военного духовенства участвовала и Московская Патриархия. Например, в югославскую воинскую часть был назначен московский протоиерей Димитрий Цветков. И он с этими частями в составе Красной армии дошел до Белграда и был награжден высшим югославским орденом.

— Известны ли вам случаи, когда военнослужащие или партизаны обращались к вере, Богу после общения с духовенством?

— В основном это были рядовые и партизаны. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга сохранились их письма митрополиту Алексию (Симанскому). Бойцы поздравляли его с какими-то значимыми событиями жизни, церковными праздниками и писали, в частности, что обратились к вере. Я видел письмо партизана А.Г.Голицына, который рассказывал митрополиту Алексию о впечатлении, которое на него произвело воззвание владыки к жителям на оккупированной территории. Характерный факт: когда вновь

открылась Ленинградская духовная семинария в 1945 году, значительную часть поступивших в нее (до половины) составили бывшие фронтовики.

В Красной армии также воевали сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 году на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках. Самый яркий факт — будущий Патриарх Пимен (Извеков), который, будучи иеромонахом, служил на фронте в звании офицера¹. А в концлагерях для советских военнопленных в Германии была практика — немцы разрешали совершать богослужение там только священникам, которые были военнослужащими Красной армии и попали в плен. Я видел такие документы в немецких архивах.

— Генерал А.А.Власов приглашал священников для окормления солдат Русской освободительной армии? Можно их назвать коллаборационистами?

— Для Власова это было очень важно. В РОА даже была введена должность протопресвитера, то есть главы военного духовенства. Там были разные священники. Некоторые были эвакуированы с оккупированных территорий Советского Союза. Например, священники Адриан Рымаренко, Дмитрий Константинов и Александр Киселев. А кто-то — из русских эмигрантов, из состава РПЦЗ. Я бы не всех назвал коллаборантами, потому что некоторые из них были русскими националистами, считали себя патриотами России и предполагали, что создается русская национальная армия, которая не будет подчиняться нацистской Германии. Другое дело, что они во многом ошибались.

Религиозная политика нацистской Германии

— Какой была религиозная политика в Германии?

— Немецкое нацистское общество хотя и считалось тоталитарным, но было устроено по другому принципу, чем в СССР. За первенство в решении религиозной политики там между собой боролись несколько государственных ведомств. И у каждого в церковном вопросе была своя позиция. Правда, в итоге все определялось мнением высшего руководства нацистской Германии. А его позиция была не только антицерковной, но и антихристианской: она предполагала полную ликвидацию после войны христианства (всех конфессий) не только в Германии, но и на всех захваченных территориях и создание новой синкретической религии, обязательной для подданных Третьего рейха. План был рассчитан на 25 лет и расписан по этапам с немецкой пунктуальностью. Предлагаемая религия представляла собой «винегрет» из некоторых внешних элементов христианства, с отвержением Ветхого Завета, с элементами буддизма, германского неоязычества и оккультных учений, вроде тайных розенкрейцеров. Ее создателями были Гимлер и Розенберг. А возглавить религиозную политику Германии Гитлер лично поручил Мартину Борману, руководителю партийной канцелярии.

Но наряду с ведомством Бормана существовали и другие германские ведомства, которые проводили свою религиозную политику. В частности, было Рейхсминистерство церковных дел Германии во главе с рейхсминистром Гансом Керлом, который сам был верующим христианином и предполагал встроить христианские конфессии в политическую жизнь нацистской Германии, в частности создать имперскую церковь для лютеран. Я рассказываю об этом в своей книге.

Кроме того, православные приходы Германии составляли Германскую епархию РПЦЗ. Керл планировал вывести ее из состава РПЦЗ и создать автокефальную Германскую православную церковь, распространив ее в дальнейшем на те оккупированные страны Европы, где жили православные. Для этих целей предполагалось создать и православный богословский институт в нацистской Германии. Но против этих планов Керла выступила партийная канцелярия. Какое-то время Гитлера устраивала разработанная Керлом политика использования христианских Церквей для своих политических целей. Но после начала Второй мировой войны министр стал помехой и скоропостижно скончался. По предположению немецких исследователей, он был устранин гестапо, хотя и с почестями похоронен. И хотя министерство не ликвидировали, нового рейхсминистра так и не назначили.

Еще одно ведомство, боровшееся за власть в сфере германской религиозной политики, — это Рейхсминистерство занятых восточных территорий, которое возглавлял Альфред Розенберг. Он родился в Российской империи (в Прибалтике) и хорошо знал русский язык и российские реалии. Розенберг во многом проводил в жизнь личные установки Гитлера на максимальное дробление православного пространства. Главным его врагом была Русская Православная Церковь. Поэтому он поддерживал создание автокефальной Украинской православной Церкви, по возможности и самостоятельной православной церкви в Прибалтике. Но она была создана только в Эстонии, в Латвии это сделать не получилось. Кроме того, рейхсминистр старался отделить Белорусскую Православную Церковь от Московского Патриархата, что также ему не удалось. Все эти вновь образованные структуры Розенберг пытался использовать против Русской Православной Церкви.

— Но ведь у Бормана был другой план. Почему же он победил?

— Действительно, в партийной канцелярии считали, что сильные церковные образования создавать не следует, а нужно еще больше дробить православное церковное пространство. В частности, проводником

этой политики был рейсхминистр Украины Эрих Кох. Он добивался разделения автокефальной и автономной Украинских Церквей еще на шесть-семь частей (по округам, на которые делился его комиссариат) и ликвидации единого церковного руководства в обоих. На этой почве у Коха и Розенберга возник конфликт. Но Гитлер практически во всем поддержал Коха. Он тоже настаивал, что нужно еще больше дробить эти церковные образования и не допускать образования сильных, хотя и отделенных от Московского Патриархата православных церквей.

Четвертой силой на оккупированных территориях, у которой была своя церковная политика, стала военная тыловая администрация вермахта. Она не зависела от трех вышеназванных ведомств. Военные считали, что нужно максимально замирать население и с этой целью давать достаточно свободы в церковной жизни. Поэтому они не только не препятствовали открытию храмов, но и позволяли создавать какие-то епархиальные структуры. В политику военной администрации, с одной стороны, вмешивалось Рейхсминистерство церковных дел, а с другой — Главное управление имперской безопасности, выступавшие за всевозможные ограничения православной жизни, в том числе и против создания духовных учебных заведений. И как раз все эти противоречия позволили существовать такому феномену на оккупированной территории, как религиозное возрождение.

Оно стало массовым, стихийным, инициатива исходила от самих верующих. Еще до прихода немецких войск, когда город или деревню оставляли советские войска, верующие сами сбивали замки с закрытых храмов. Уцелевшие священники возвращались к служению в храмы. Там, где их не было, верующие все равно приводили в порядок храм, приносили иконы, собирались на молитву. К сожалению, православные духовные миссии, которые готовились русскими эмигрантами в Югославии, Болгарии и даже Венгрии и которые предполагалось отправить на оккупированную территорию, — немцы не допустили вообще. Единственным исключением была Псковская православная миссия, которая была сформирована митрополитом Сергием (Воскресенским), Экзархом Московского Патриархата Прибалтики (см.: ЖМП. 2020. № 2).

Миссия на оккупированных территориях

— Если говорить о возрождении православной жизни в Белоруссии и на Украине, она была сопоставима по своему масштабу с Псковской миссией?

— Если сравнить, сколько храмов было открыто на число жителей, то это были явления одного порядка. Другое дело, что территория Псковской миссии была меньше, и там открылось меньше храмов. Всего на этой территории проживало около 2 млн человек, и там открылось около 400 храмов. И примерно такое же число церквей открывалось на аналогичных по населению территориях Белоруссии и Украины. Однако Псковская миссия была более деятельной в миссионерском плане и смогла добиться больше в приобщении людей к церковной жизни. Там пытались преподавать Закон Божий в школах и достаточно активно вели социальную и просветительскую церковную работу, занимались благотворительностью. Не во всех регионах Украины и Белоруссии такое было.

Можно также сказать, что митрополит Сергей (Воскресенский) отличался безусловной преданностью Московскому Патриархату, а глава Автономной Украинской Православной Церкви архиепископ Алексей (Громадский) в перспективе допускал отделение Украинской Православной Церкви от Московского Патриархата. Он даже пошел на некоторые компромиссные переговоры с Украинской Автокефальной Церковью, но затем понял, что ничего хорошего из этого не получится. За это, скорее всего, он и был убит украинскими националистами. К слову националисты Белоруссии и Украины активно участвовали в церковной политике. В частности, на Украине было две группы националистов: мельниковцы и бандеровцы. Мельниковцы наиболее тесно сотрудничали с немецкой военной администрацией, и с ними был связан архиерей Украинской Автокефальной Церкви епископ Мстислав (Скрыпник). Среди мельниковцев было много агентов Службы безопасности рейхсфюрера СС (СД). Они использовались даже против бандеровцев, которые сначала служили нацистам, а потом частично ушли в подполье и проводили против немцев вооруженные акции. Так вот, в немецких архивах мне удалось найти интересный документ. В нем говорится, что епископ Мстислав (племянник Петлюры), будущий «Патриарх», похороненный с большим почетом в начале 1990-х годов, тесно сотрудничал с СД. И выдавал немецким спецслужбам украинских националистов-бандеровцев, которые потом ликвидировало гестапо.

Что касается главы Белорусской Православной Церкви архиепископа Пантелеимона (Рожновского), то он занимал промежуточную позицию. Владыка оставался верен Московскому Патриархату, но и был готов на некую серьезную самостоятельность БПЦ. Он относился негативно к немецкой религиозной политике и противодействовал, как мог, насильственному автокефальному отделению Белорусской Церкви от Москвы. Его воспоминания, написанные уже в эмиграции в Германии, не так давно опубликовали в «Вестнике» Германской епархии РПЦЗ. Это очень интересный источник, который говорит и о духовном мире, и о внутренней позиции владыки Пантелеимона в годы Второй мировой войны. К сожалению, таких воспоминаний владыки Сергей и Алексей не оставили, они оба погибли в годы войны.

— По вашему мнению, кто мог быть убийцей митрополита Сергия (Воскресенского)?

— Я уверен, что это сделали немцы. Об этом говорит много документов. В 1945 году был допрошен генерал Еккельн, который командовал службой безопасности Прибалтики. На допросе Еккельн признался советскому следователю, что именно он организовал убийство митрополита Сергия (Воскресенского) агентами СД под видом отряда партизан (подробней см.: ЖМП. 2020. № 2). Некоторые исследователи считают, что на генерала давили советские следователи или переводчик искажил его слова. Но я говорил об этом с известным церковным историком из Риги Александром Гаврилиным, к сожалению, ныне покойным, который нашел того самого переводчика. И переводчик рассказал, что никто на Еккельна не давил. Вопрос убийства владыки Сергия советского следователя не интересовал, генерала спрашивали о другом. Он рассказал это по своей инициативе. Я не нашел в немецких архивах приказа начальника Главного управления имперской безопасности СС Э. Кальтенбрунера об устранении владыки, на который ссылался Еккельн, но о таком решении косвенно говорит целый ряд документов в материалах Министерства церковных дел и Рейхсминистерства занятых восточных территорий. Там разные немецкие чины напрямую пишут, что митрополита Сергия надо убрать, и рассуждают, как строить после этого церковную политику в Прибалтике. Можно сказать, что при внешней лояльности к нацистскому режиму митрополит Сергей твердо отстаивал позиции Русской Церкви, сломить его немцы не смогли. Для нацистов очень важно было, чтобы Поместные Православные Церкви отказались признать избрание митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом. Он был для них одним из главных врагов. Это тот случай, когда все немецкие ведомства выступили согласоно: Министерство церковных дел, Министерство восточных территорий, Министерство иностранных дел и Главное управление имперской безопасности. Вместе они пытались влиять на глав Поместных Церквей Восточной Европы, чтобы те осудили избрание владыки Сергия и его антинацистскую политику, но практически не было примера, где бы нацисты добились в этом успеха. Все Поместные Православные Церкви так или иначе признали Патриархом Сергия (Старгородского). И даже те, которые были на контролируемой немцами территории. Например, Болгарская Православная Церковь. Поэтому для них так важно было, чтобы митрополит Сергей (Воскресенский) вслед за Венским совещанием руководства РПЦЗ осудил избрание Сергия (Страгородского) на патриарший престол. Но тот отказался, и это решило его судьбу.

— Работая над этой книгой, вы ставили перед собой задачу развеять мифы о войне, которые бытуют среди православных верующих?

— Нет, такой задачи я не ставил. Но в ходе большой исследовательской работы мне удалось впервые составить списки убитых нацистами, их пособниками и националистами священнослужителей (свыше 130) и мирян (свыше 600) Русской Православной Церкви, а также скончавшихся от голода в заблокированном Ленинграде православных священнослужителей (около 20). Их имена опубликованы в приложении.

Примечание

1 Никитин В. А. Патриарх Пимен. М.: Эксмо, 2011. В книге содержится большое количество ссылок на источники, подтверждающие военную биографию будущего Патриарха.